

Комаровская Т.Е.
Минск

Библейские мифы в русской и американской литературах

Вопрос освоения библейских мифов разными национальными литературами интересует нас не столько с чисто эстетической точки зрения, не столько ради выявления их парадигмы в мировой литературе на определенном историческом отрезке времени, сколько для определения национального менталитета, национальной психологии, проявившейся в подобном усвоении. В рамках небольшой статьи мы постараемся продемонстрировать это различие на примере отношения к Библии на биографическом уровне и в художественном творчестве самого русского из всех наших поэтов, ставшего началом всех начал в русской литературе - А.С.Пушкина.

Вопрос об отношении Пушкина к Богу, к религии, достаточно сложен. Пушкин, как и его интеллектуальное окружение, принадлежал Александровской эпохе, девизом которой были веротерпимость, гуманизм и свободомыслие, как наследие традиции веротерпимости, заложенной Петром 1. Эти традиции оказались достаточно сильными в среде русской интеллигенции, сильными настолько, что обращение к православию Н.В. Гоголя, в принципиально иную, уже николаевскую, эпоху, официально провозгласившую «православие, самодержавие, народность», вызвало острую реакцию неприятия (знаменитое письмо Белинского Гоголю).

Возвращение работ И.Ильина, С.Франка, С.Булгакова во многом ответственно за формирование нового облика Пушкина как православного христианского поэта. С этой целью вновь и вновь подвергается анализу лирика поэта 30-х годов, к которую православно-церковная литературная критика стремится вчитать созвучие с христианскими сюжетами, проповедь христианской морали, чаще, однако, с упреком, недостойным литературоведения, отмечая отсутствие оных или нарушение церковных стилистических догм. Мы полностью согласны с А.А.Звозниковым¹, не подвергающим сомнению религиозность Пушкина как человека, осознавшего связь с высшим миром бытия, но не являющегося выразителем христианской аксиологии, церковных догм ни в своем документальном наследии, ни в своем художественном творчестве. Юный Пушкин мог свободно сострить в письме к П.А.Вяземскому «...читая Шекспира и Библию, Святой Дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира», мог пародировать в письме А.А.Дельвигу великопостную молитву одного из апостолов православия, мог, в конце концов, посмеяться над святой святыни церкви, создав свой вариант Евангелия - «Гавриилиаду». Но и Пушкин, примирившийся с Николаем 11, не позволяющий себе более юношеского ерничаия над религиозными догматами и святынями, не становится христианским православным поэтом. Замечателен тот факт, что архимандрит

Иоанн (в миру - известный поэт Д.А.Шаховский), анализирующий творчество поэта именно с православных позиций , отмечал, что даже произведения Пушкина, которые являются развитием библейских мотивов («Песнь Песней», «Юдифь», «Напрасно я к Сионским высотам...», «Когда великое свершилось торжество...») лишены духа истинной религиозности, что в них темы Священного Писания служат лишь основанием для развития и углубления художественного образа. Он же обратил внимание на то, что ни один из героев Пушкина не наделен глубокой религиозностью. И пожалуй, наиболее точно роль Пушкина в духовной жизни России выразил выдающийся религиозный русский философ С.Булгаков: «Очевидно, не на путях исторического, бытового и даже мистического православия пролегла основная магистраль его жизни, судьбы его. Ему был свойствен свой личный путь и особый удел-предстояние пред Богом в служении поэта»². Дух искрометного веселья, бьющего через край, шутовства, не признающего святых, раблезианской радости жизни, при которой любой предмет или явление могут стать объектом для шутки или могут быть обращены в шутку свойственны неукротимому холерическому пушкинскому темпераменту, но корни их проявления в его творчестве - не только чисто психологического плана, они- в другом. Как самый национальный, самый русский поэт Пушкин наиболее глубоко и органично воспринял народную русскую культуру с ее традициями скоморошества , народной праздничности, склонности к пародии и фарсу, идущими в свою очередь еще от язычества. Именно в этом ключе следует понимать известное высказывание пушкиниста М.О. Гершензона о Пушкине как о язычнике и фаталисте, который древнее единобожия и всякой религии. И, здесь мы полностью согласны с пушкинистом Звозниковым³, эта языческая, дохристианская стихия смеха , не знающего табу, «веселия», свойственная русскому национальному характеру, и ответственна за обилие пародийных элементов в поэзии Пушкина, за «Гавриилиаду», которую в контексте психологии творчества Пушкина следует воспринимать просто как невинную шутку молодого поэта, физическое и духовное здоровье которого брызжет через край, и который, вместе с тем , выражает этой шуткой «народный взгляд» , народное переживание и освоение библейского мифа . Сходное явление имеет место и в других восточно-славянских литературах, близких русской, когда классический религиозный сюжет пародируется, низводится до уровня скабрешной шутки при освоении его национальной культурой. Достаточно вспомнить белорусские «Энеиду навыворот» и «Тарас на Парнасе». Пушкинская традиция ответственна за то, что русская классиче-

ская литература не была в своей основе христианской, что библейский миф в ней почти всегда подвергался юмористической фарсовой переработке .

Подобного легкого, фарсового обращения с религией и ее атрибутикой мы не найдем в культуре США, замешанной, основанной на пуританизме, на религии протестантизма. Современница Пушкина, гениальная американская поэтесса Эмили Дикинсон (родилась в 1830 году, но творчество ее, как и творчество А.С.Пушкина, совершалось при почти полном господстве романтизма в литературе), свое мировидение и свой бунт против Бога зачастую облекает в форму религиозных псалмов, но в осмыслении религиозных сюжетов и тем не допускает даже легкой улыбки. Ее обращение с религиозным материалом осуществляется на уровне драмы или высокой трагедии.

Переживание религиозных сюжетов, в частности библейских мифов, литературой США, носит самый серьезный характер и в 20 веке, причем это утверждение справедливо не только для годично художественной литературы, но и для массовой литературы. В качестве примера произведений, основанных на библейских мифах о братоубийстве, мы выбрали романы классика американской и мировой литературы XX века У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» и одного из крупнейших американских писателей того же периода Д.Стейнбека «К востоку от Гая».

«Авессалом, Авессалом!» - это метафорический исторический роман, основанный на мифологеме, на библейской легенде об убийстве Авессаломом своего брата, обесчестившего их сестру Фамарь, и о горе отца их Давида в связи с последующей трагической гибелью Авессалома. Эта связь романа с библейской легендой настолько очевидна, что, привлекая внимание всех критиков романа, не позволила им заметить значительных расхождений, существующих между романом Фолкнера и легендой, расхождений, которые, на наш взгляд, должны были четче выразить идейный замысел писателя. Генри Сатпен убивает своего друга и брата не потому, что тот собирался жениться на его (их общей !) сестре, с этим он к концу войны уже примирился. Он убивает его, узнав, что в жилах Чарльза Бона, его сводного брата, есть негритянская кровь; осквернение расы для него страшнее греха кровосмешения. Он не поднимает восстания против своего отца, как библейский Авессалом, наоборот, он свято выполняет его завет - любой ценой не допустить этот брак. Томас Сатпен, потеряв единственного сына, которого он признавал, не восклицает в горе «Авессалом, Авессалом!» (это восклицание, ставшее заглавием романа, вырывается скорее всего у автора, размышляющего над проклятием расовой нетерпимости, погубившей весь род, сделавшей чистого преданного юношу , брата и друга,

братоубийцей и изгоем, ставшего причиной горя и одиночества его сестры, ее не освященного алтарем вдовства. Томас Сатпен до конца одержим маниакальной идеей оставить продолжателя своего рода на своей земле, и следование этой идее не только делает несчастным и окружающих его, но и приводит его в конце концов к гибели, ибо «сама земля ... от него устала, возмутилась против него и его уничтожила»⁴. Нарушение мифологемы, а не детальное следование ей, сильнее выражает главную мысль романа о проклятии и греховности рабства, равно уничтожающего и калечащего судьбы как черных, так и белых на Юге, греховности расовых предрассудков. Грех рабства и расовой дискриминации в глазах Фолкнера затмевает даже грех кровосмешения - один из самых страшных смертных грехов христианской морали.

Роман «К востоку от Рая» Дж. Стейнбека основан на библейской легенде об Авеле и Каине.

Любовью - ненавистью пронизаны отношения братьев Адама и Чарльза; любовь и ревность определяют отношение Калеба, сына Адама, а скорее Чарльза, а не Адама, к своему брату Арону. Арон, добрый, честный, открытый, любим всеми, и в первую очередь отцом; по отношению к Калебу, проницательному не по годам, ироничному, способному на любые каверзы, окружающие гораздо более сдержаны. Постоянное предпочтение, оказываемое брату, ожесточает Калеба, убедившись, что и горячо любимый отец также любит Арона гораздо больше, Калеб ставит брата в такие условия, которые, он знает, сломают натуру этого скрупулезно честного, порядочного до самолюбования, до снобизма юноши. Калеб открывает брату тайну их рождения - приводит Арона в публичный дом, который содержит их мать - профессионал высокого класса. В ужасе, не помня себя, Арон бежит из города, поступает в армию и вскоре погибает на фронте I мировой войны.

Стейнбек выявляет, на примере героев романа, доброго, честного Адама Траска и его любимого сына Арона, унаследовавшего отцовскую порядочность и непогрешимую честность, всю ограниченность порядочности и честности, не принимающих сложность и противоречивость мира, не желающих вступать в борьбу со Злом, но отгораживающихся от него броней своей непогрешимости, попустительствующих злу, становящихся вследствие этого причиной зла. Гибель Арона символизирует в романе крушение идеалов абстрактного, отчужденного от реальной жизни добра. Второй же сын Адама, Калеб, ставший невольной причиной смерти брата (аллюзия с библейским Каином), находит в себе силы пережить постигшую его нравственную катастрофу и принять решение сделать целью своей жизни следование высоким нравствен-

ным законам, «быть добрым». Отец на смертном одре прощает его и благословляет: «Ты можешь...» Благословляет словом из Ветхого Завета, которым, по преданию, Бог обнадежил Каина, оставив для него равную возможность выбора пути Добра или Зла.

«Все мы дети Каина», - констатирует другой персонаж романа. Критики романа привыкли расценивать это заявление как признание Стейнбеком порочности человека - следствием его изначальной греховности. А между тем в художественной системе романа это заявление наполняется совсем другим смыслом. Во-первых, следует принять во внимание, что в этом случае Стейнбек допускает грубое искажение библейской легенды: как известно, по Библии, род человеческий восходит не к потомству Каина, которое все погибло во время потопа, а к потомству его младшего брата, Сифа. Бряд ли подобную оплошность можно объяснить недостаточно хорошим знанием Библии Стейнбеком. Писателю важно было выразить идею наследования человеком Зла и Добра, его способности к высокому и низкому, самопожертвованию и подлости - что он изберет, решает его нравственный выбор. Образы романа - семья Гамильтонов, китаец Ли, ставший верным другом Адама и его сыновей, Абра , девушка Арона - являются достаточно веским подтверждением веры Стейнбека в духовное величие человека и его возможности.

Роман отталкивается от мифа, полемизирует с ним, акцентируя диалектическую сложность человеческой души, сложность взаимодействия Добра и Зла в душе человека.

Итак, в этих романах мы видим переосмысление мифов, но не фарсовое, пародийное снижение их.

Роман « К востоку от Рая» разрабатывает один необычайно важный, с нравственной точки зрения, тезис мифа об Авеле и Каине, на который, как ни странно, интерпретаторы мифа обычно внимания не обращают : тезис о Божественном милосердии, распространяемом даже на самых отпетых преступников, о запрещении Богом многократного наказания за совершение наиболее страшного греха . Согласно мифу, Бог помечает Каина печатью не в целях наказания, но для того, чтобы предотвратить дальнейшее наказание со стороны людей. Наказав Каина изгнанием, жизнью скитальца и изгоя, Бог оставляет право наказания только за собой , являя т.о. свою божественную милость.

Коннотативные различия в освоении русской и американской литературой библейских мифов являются следствием разницы между двумя культурами: культурой, основанной на пуританизме как ядре национальной религии и потому переживающей ее согласно этическим нормам, диктуемым этой

религией - глубоко, сдержано, серьезно; и культурой, в основе которой - народная языческая раскованность и веселость, «лукавство ума», подмечающего смешную сторону любого явления, для которой вследствие этого свойственно более свободное обращение с религиозными ценностями и атрибутикой.

1. Звозников А. Пушкин: поэзия и религия . // Всемирная литература. 1999. № 7.
2. Цит. по статье: Звозников А. Пушкин: поэзия и религия.
3. Там же.
4. Фолкнер У. Авессалом, Авессалом! Собр. соч. в 6 т. - т.2.-М., 1985.-с.350.
5. Steinbeck J. East of Eden . ¹. У., [1952].